

1979, 25 сек

КУЛЬТУРА ИСКУССТВО

МИР В НЕСКОЛЬКИХ СТРОКАХ

ЭТО был откровенный разговор. Очень! Другой, как он сразу и решительно признался мне, не имел смысла.

— Что же вас интересует? Какие вопросы? Пожалуй, мне всегда приятно общаться с друзьями, среди которых у меня немало советских журналистов...

— Вопрос, собственно, один: как живет сегодня, сейчас кинорежиссер-коммунист в Мадриде? Быть может, не очень конкретный вопрос, но все же...

Бардем смеется. Широкие, толстые стекла прочных, кажется, всевидящих очков заплясали на его прочном носу. Смеется весело, раскатисто:

— Ничего себе вопросик... Ему, вероятно, надо посвятить целую пресс-конференцию... Но я все-таки благодарю за внимание к моей скромной персоне и за то, что именно мне вы задали этот, несомненно, острый, актуальный и многогранный вопрос. Значит, откровенный разговор! Как говорят по-русски?

— С глазу на глаз...
— Вот именно! Ну хорошо, значит, ведем мужской разговор с помощью нашей милрой, прелестной переводчицы...

...Я знаю испанского кинорежиссера Хуана Антонио Бардема немного лет: мы познакомились на X Московском международном кинофестивале, на котором его замечательный фильм «Конец несли» получил Золотой приз. Тогда и начался этот разговор, который мы так и не закончили. «Не будем омрачать мрачными темами радость этой чудной ночи», — сказал тогда Бардем. — Давайте поговорим об этом в следующий раз».

...Два года минули, как один день. Мы снова встретились. В Москве на недавнем XI фестивале, куда Хуан Антонио Бардем привез новый фильм «Семь дней в январе». Как обычно, картина Бардема привлекла к себе острое внимание зрителей, журналистов и, конечно же, печати. И не только тем, что это политический фильм, но прежде всего, видимо, тем, что он создан в самом кипении националистской жизни послефранкистской Испании. В ленте идет речь о политическом преступлении, которое недавно всколыхнуло всю страну, — об убийстве, которое на совести тех же преступников, что совершают поджоги, взрывают бомбы, убивают демократически настроенных патриотов, одним словом, тех, кто мечтает повернуть Испанию вспять, запугать, задушить демократические, здоровые силы нации.

И, как всегда, Бардем создал острый, боевой, политический фильм, поражающий достоверностью почти документальной, суровой реалистической правдой, фильм, который дышит энергией борьбы, убежденностью коммуниста. Неудивительно, что и этот фильм был удостоен Золотого приза, второй московской высшей награды Бардема.

Мы беседовали с ним «с глазу на глаз» (Бардем, я, переводчица) за неделю до того, как он получил эту желанную награду. Премьера уже отшумела, но споры вокруг режиссера и его картины шли жаркие. Именно в этот час я решил истребовать «старый долг»:

— Как же все-таки живет кинорежиссер-коммунист в Мадриде?

— Как? Обыкновенно! Как и прежде...

— А что нового в испанском кино?

— Вы знаете, что такое 100 миллионов песет? — отвечает он вопросом на вопрос. — Я, например, никогда не видел такой суммы, ибо это гора денег. Ну так вот, раньше у нас в Испании не имело значения, какой фильм как распространяется... Теперь иное дело. Более 100 миллионов песет — такие сборы в Испании приносят только 4—5 фильмов в году. Нетрудно догадаться, что это за картины, о чем они, где их производят... Разумеется, официальная пропаганда делает все, чтобы или замолчать, или очернить другие — наши фильмы, фильмы о жизни и борьбе простого народа, рабочего класса, крестьянства... Мы стоим на том, что кино должно показывать и рассказывать народу правду жизни. Естественно, это требует отношения к кино прежде всего как к классовому, социальному искусству, которое должно помогать народу в движении к великим целям. Для этого стране нужно создавать заново свою, испанскую киноиндустрию...

— Почему «заново создавать»? Испания сейчас в каком она положении сейчас?

— Откровенно?

— Конечно...

— В плачевном! Франко почти сорок лет уничтожал ее. Представьте, во всей Испании сейчас есть только одна-единственная студия — она в Мадриде. Очень маленькая, тесная, старая... Других студий у нас нет. Поэтому к нам приезжают иностранные фирмы, которые быстро шлепают здесь свои «экзотические испанские фильмы» и потом кру-

тят их во всем мире. А сама Испания и сегодня не имеет своей технической кинобазы. Естественно, что в этих условиях люди покидают кино, ищут работу в других сферах. Маюся и режиссеры: как делать современные фильмы на старом оборудовании? Это невозможно...

— Ну а как живет лично вам?

— Так же, как и всем остальным кинорежиссерам, — очень трудно в Испании делать фильмы.

— А если расшифровать эту мысль...

— Пожалуй, как и всякий кинорежиссер, я, естественно, сам вынашиваю идею фильма. Иногда сам пишу сценарий. Сам снимаю. Потом начинается! Бегаю в поисках продюсе-

в кино и создавать картины, которые помогают испанскому народу в его давней суровой борьбе за лучшее будущее. За то будущее, о котором говорим народу мы, испанские коммунисты.

— Вы давно в партии?

— С 1943 года... Между прочим, недавно в Мадриде, перед этой поездкой в Москву, один наш известный режиссер, посмотрев «Семь дней в январе», в порыве откровения сказал мне: «Слушай, Хуан, и эту ленту ты снял как коммунист...» Мне пришлось заявить ему вполне определенно, что вот уже тридцать шесть лет я дышу, живу, пишу сценарии, делаю фильмы, курю, воспитываю детей и даже бреюсь... как коммунист. И в жизни, и в кино.

Хуан Антонио БАРДЕМ:

«...Не хочу, не ищущу тишины»

ра, который оплатит уже совершенные расходы, и, поверьте, даже если такого продюсера находишь, это еще только полдела. Я должен убедить его, что этот, мой новый фильм сейчас очень нужен зрителю. А как его убедить?

— Я очень интенсивно работаю и вполне могу сделать фильм за один год. Но условия жизни таковы, что приходится затрачивать на одну картину два года. Получается так: у меня все готово, есть сценарий, подобраны актеры, проведены репетиции. Вел! Надо снимать! А техника, оказывается, не готова: нельзя снимать сегодня, завтра... Можно будет только через несколько месяцев. Что поделаешь — у нас обстоит дело именно так: капиталистические порядки... Я вынужден остановиться, и это вызывает рефлексию...

...Я слушаю Бардема, смотрю на его прекрасные, тяжелые руки рабочего человека. Они то и дело взлетают над ним, снимаются в кулаки, выразительно характеризуют состояние его души... Вот сейчас он развел их в стороны:

— Должен признаться: я постоянно живу в долгах. И сейчас задолжал продюсерам за два фильма: не вернул им долг — значит задолжал... Что поделаешь: таковы законы капиталистического общества. Ведь вашим кинорежиссерам — счастливые люди! — все это даже трудно понять. Один из них, узнав о моих трудностях, сочно выругался и в сердцах произнес: «Дикость — да и только!» Конечно, дикость... Ну что поделаешь, если я в кино уже давненько и менять профессию теперь нет смысла, хотя когда-то я и пробовал это сделать...

...Теперь, пожалуй, пора дать Бардему выкурить очередную сигарету и кое-что рассказать вам, читатель, о нем. Хуан Антонио Бардем — один из крупнейших кинорежиссеров мира, двадцать восемь лет назад, в 1951 году, выпустил свой первый полнометражный фильм «Эта счастливая пара»... Он родился и вырос в актерской семье. Артистами были деды, родители, братья... Сам он с 12 лет увлекся землей, садами, агрономией... Учился в Мадриде и стал инженером-агрономом. Он с юных лет ходил в кино, вникал в него, особенно в практическую его сторону — как, каким способом снимают эти ленты... Влечение росло, крепло и, как это нередко бывает, случай ускорил выбор: юному агроному Бардему попалась книга советского режиссера Всеволода Пудовкина «Техника кино». Разумеется, на испанском языке. Он прочитал ее за ночь, и ему показало, что наконец нашел то, что искал. Маялся-маялся, но все-таки бросил агрономию и начал все сначала — занялся кино. Это «увлечение» уже давнего и привычного характера: 18 фильмов уже сделал знаменитый испанский режиссер Хуан Антонио Бардем.

— Не жалется, что бросил агрономию?

— Один раз, признаться, пожалел. В 1968 году я был на Кубе, на конгрессе ученых и агрономов. Повезли нас по стране. Показали овощные плантации. Видел, с каким увлечением работали там молодые специалисты, только что обучившиеся в Советском Союзе. И я, грешным делом, подумал: «А не лучше ли быть инженером-агрономом, растить хлеб, капусту, картошку, помидоры... Может быть, все это важнее фильмов?» Думал-думал и все же решил: каждому — свое! Мне, видимо, свыше указано жить

всегда и всюду я, конечно, прежде всего коммунист. ...Когда франкизм ушел с политической сцены, некоторые из творческих людей у нас, в Испании, заняли, так сказать, позицию нейтралитета. Эти люди говорят, что они ни с кем — ни с нами, ни с нашими идейными противниками. Но это только на словах, а на поверку выходит, что они великомерно уживались с Франко и сейчас их «нейтралитет» — не более, чем сладковатая мина при плохой игре. Я убежден: это наши идейные противники! Стоит поставить каждого деятеля искусства лицом перед собственной ответственностью — и все мосты рушатся...

— Вы сказали, товарищ Бардем, что сами пишете сценарии, сами снимаете. Но кто вам помогает?

— Помощи не жду! Я борюсь за нее: ищу продюсеров... В Испании все знают, кто я, чем занимаюсь, каковы мои творческие возможности, и все равно в работе мне никто не помогает. Банкиры не донкихоты: они не верят на слово...

— А семья?

— Ну чем мне может помочь в этом семья? Родители мои актеры (они, к сожалению, уже умерли), много раз снимались в моих фильмах. Я очень рад, что сохранил их на экране живыми... Простите, что отвлекусь, но я очень благодарен советским актерам за то, что вижу Ленина живым в их кинофильмах. В этом могучая сила кино, которое — это мое убеждение! — будет жить веками, и никакое телевидение его не поглотит... Что касается моей семьи, то жена занята дома. У меня четверо детей. Старшей дочери — 25, она психолог. Сыну 22 года. Музыкант. Второму сыну — 21, учится, тоже будет психологом. И младшему — 15 лет. Также учится...

— Чем же вы сейчас заняты? Наверное, будущим фильмом?

— Меня давно волнует проблема безработицы среди испанских крестьян. Это два миллиона страдающих тружеников. Я не первый год приглядываюсь к этой теме, знаю ее сложности и ее важность, хочу засесть за сценарий, но не уверен, что найду продюсера, который рискнет финансировать такой острополитический испанский фильм. А работать бесплатно — каюсь! — мне было бы трудновато... обидно. 6—8 месяцев надирать и не получить ни единой песеты — так, согласитесь, не просто жить...

— Есть у вас, видимо, и другие замыслы?

— Есть, конечно. Один из них мне особенно дорог — это судьба испанских детей, которых в 1936 году, во время нашей гражданской войны, увезли от фашистских бомб и снарядов к вам, в Советский Союз, ставший для них второй родиной. Здесь они пережили счастливые годы, выросли, некоторые недавно вернулись в Испанию... Это большая политическая, психологическая, романтическая тема.

...Так живет в Мадриде знаменитый кинорежиссер-коммунист Хуан Антонио Бардем. Скажем откровенно: трудно жить! В поисках и испытаниях, не зная тихого часа и тихой минуты. Да он, видно, и не ищет тишины, этот плечистый богатырь с поседевшими усами и руками рабочего человека.

— Пока что не ищущу, не хочу тишины. А зачем она мне? Тишина хороша на клдабнице, а в жизни важна жизнь. Такая, правда, о которой мы, коммунисты, мечтаем и за которую боремся. Согласны?

Наум МАР.